

Кинески
Драм театар
ген. П. Тавозото

В одном маленьком городке, где на каждом высоком месте стоит церковь, а в нем сползаются добротные купеческие дома, глава местной администрации не без видства мизантропом: «Вот раньше вы, москвичи, ругались на нас, что мы, шолохины, наехали и вам и опустошали столичные дворянские, а теперь все переменялось. И он широко пошел рукой, словно призывая внятно убедиться в правоте его слов. Переменялось, и правда, многое. Но не только дешавые продукты, чистый воздух и отсутствие бессмысленной суеты вымывают у столичных жителей легкие ушлы зависти. Во всех этих учреждениях [аэро-авиа], чугуных решетках, в солнце, распахивающихся по куполом, в спокойных лицах не спящих нигде людей есть неожиданное, почти забытое и такое жалкое чувство постыжества. Есть ощущение прикосновения и парвоосмысла, и главному.

вниман, необходимым кажется старомодное слово «банефис» не стене дворсраци! Потому что театр. Совсем недавно свой «Вшневый сад» они показывали в Москве. Во время представления на головы зрителей летели и сыпались бумажки, окурки и даже, в действительности, так много астратных классену и этот тонкий спелый просвещенные столичные школьники, заплющенные балетны, говорят, некоторые из особо впечатли-

ТАМ ЖЕ, ТОГДА ЖЕ

Кубытра. - 1993. - 24 февр. - С. 4.

«У каждого поэта есть провинция...» В такой провинции грех не стать поэтом. На улицах соседнего Липецка подобный чувства не возникает вовсе. Металлургический монстр, отравляющий воздух, комммерческие ларьки, политические батальоны. Все это хорошо знакомо и надоело до чертиков. Но все же... В Липецке есть возможность сделать глоток чистого воздуха, которым дышали Розово, Бунин, увидевшие во тьму былого хрестяна человека героини. Есть та же возможность прикоснуться к своим корням. Ее дает Липецкий мюзикл Л. Толстого.

В седьмой раз прошли здесь «Липецкие театральные встречи». Своим в феврале. Там же, тогда же... По одной в год — значит, семь лет! Мир перевернулся, мир снесся с ума. А здесь — огромный зал полон, и тишина, и в ней хрустально звенит знакомое. В детстве было русское классики, там было свое лето назад. Там — театр. Не в этом ли господствости?

Если бы кому-нибудь вдруг пришло в голову спросить, каким одним словом можно охарактеризовать Липецкий драмтеатр, то, перебирая в голове несколько вариантов (интеллигентный! — да, но при этом с жесткой профессиональной этикой, с матавлом, звучащими порой в голоса главного режиссера: тонкий! зрелищный!), приходишь бы, согласившись с правомочностью каждого из них, остановиться на слове «театральная». И лишь на первый, непосвященный взгляд это будет звучать «наследие классики».

«Без вины виноватые» — конечно, одна из самых театральных пьес классического репертуара. Хотя бы потому, что герои ее — актеры. Владимир Пахомов доводит это свойство до логического максимума. Не аканский отходило из приснопадной «выполняет субферсия будя». Замечаются свечи. Из за спущенного тяжелого занавеса, будто просвещенные меж бархатных складок, появляются нечто... Чертня что ли какой! Юрий домовой во френке! Прозрач театры. Звучит браверная музыка. И вот занавес уже поднят. И видишь до боли знакомую декорацию, будто десятки раз виденную, будто иллюстрирующую собою известный тазис о четвертой стене. (Художники О. Твардовская и В. Макушаню) умышленно используют цитирование клас-

сическим постановкой). А в последнем действии, когда в глубине сцены горит луна, и мерцает в ее свете рабы на пруду, и стоит ангел на колонне, убитой пушлом, и все это так детально, тщательно, — душ захватывает. А во время смельки картин хочется расслышаться, достать бинокль и начать рассматривать ложи, высканав среди присутствующих дам и мажорнцы за на спящими господ чиновников и офицеров знакомые лица. Да, мы в провинциальном театре. И — лет сто назад. И жалется, зайдишь после спектакля в буфет — чего бы не зайти! — и непременно обнаружишь там вот этого величольного Швагу (В. Пахомов). Где же выду еще-то быть!

Странное чувство неадекватности пространства, в котором находишься, усиливается и другим. Видишь, что играют актеры, безусловно, хорошо знающие, что такое система Станиславского да и всякие другие системы тоже. По-настоящему дерзок, по-настоящему мучается Григорий Назимов (А. Новиков). Как мстительна и коварна, как искраина и прекрасна в своем злодействе Коринкина (В. Бразинки). А как тянет руки в темное пространство зала Кручинина (С. Погребняк): «Мама, мама...» Зрители плачут.

Но вдруг полутоне срываются на резкий фальцет, шепот сменяется лютыми выкриками, и актер, только что извонно целовавший руку собеседнице, срывается с места и убегает за кулисы, продавая немислудругой ослы. Из той самой, столетней давности. Из театральной системы Станиславского и Несчастливцева.

А после спектакля актеры и зрители чувствовали замечательную актрису, народную артистку России Светлану Погребняк. И трудно было понять, кончился ли спектакль, продолжается ли он. И когда актриса, в своем белом платье из роли покойной не какую-нибудь серовскую княжню, клала цветы. А заманитаз актриса Кручинина... Полнота, полнота! Не Кручинина — Погребняк. И Липецк с металлургическим кобинатом, пустыми конными улицами, штрафниками демократами... Так отчего же до полноты не расходятся зрители, отчего рвутся в сцену, стоя, епюдируют актриса С. Погребняк! Отчего, наконец, таким асст-

тельных умудрились даже справиться с естественными потребностями. Было удивительно стыдно и глупо обвинять в случившемся кого-то, кроме себя самих.

Пахомов, ставший восемнадцать лет назад главным режиссером в совершенно нетипичном Липецке, сделал ставку именно на детей. Сказал так — все равно, что сказать: дети — наше будущее. Говорим, говорим, а они потом нам на головы... Пахомов же не ошибся. Возможно, тогда, эти восемнадцать лет назад, в зале тоже хихикали и кидались конфетными обертками. Но Пахомов приручил их. И теперь нарядно, по-театральному, одетые, тщательно причесанные юноши и девушки чужо знамлют каждому слову, звучащему со сцены. И детей в зале много, и они тоже — все в спектакле.

О липецком «Вшневом саду» уже писали. И вряд ли удастся что-то добавить и сказанному. Стоит только, поладив, обратиться к ним на тенденцию, почувствованную и переосмысленную Пахомовым на сцену одним из первых. Долгие годы наше искусство (и театр не в последнюю очередь) старалось разрушить гармонию мира своих героев. На стоит являться в многоголосные расудвания с том, почему так было, с тотальным мышлением, с которым боролись, и прочим опостылевшем. Факт тот, что успех на этом поприще был достигнут, — несомненный. Неудачный, дискомфортный мир сцены оказался полностью заселенным злыми, замкнутыми людьми. Оказалось, что даже Антон Павлович писал о танке... А режиссеры все рушат, все рушат, все обмывают и зострают, но отдавая себе отчета, что уже нестерпимо становится жажда гармонии.

В финальном эпизоде на сцену выходит настоящий оркестрик. Тот самый, вярский, обривши музык которого некогда доплотил до чистоты самосамай. И играет что-то знакомое и грустное. А это гарок, утонченные и нервные, болящие и жалкие, на грубом деревянном помосте уплывают в тьмоту. Это они не в Париж увезают. И не на службу в уездный город. Они уходят в небытие... Становится пусто. Покинувшись, что вместе с ними, темными, таковыми, странными, уходит и мир, полный гармонии.

«Липецкие театральные встречи» — очень тонкое название. Просто разные люди, так или иначе связанные с театром, собираются в этом городе. Им вместе хорошо, они говорят на одном языке. Приходят друг друга в полуслове. Но горько понимают и то, что, несмотря на возникшее у них здесь чувство постоянства, несмотря на заверение всевозможных властей, каждая такая встреча может стать последней.

Но пока — слава Богу! — все более манящее в порядке. Манящее, имеет своего сына знаменитая актриса Кручинина, обривши на полуслове доплотил друг друга в полуслове. Но горько понимают и то, что, несмотря на возникшее у них здесь чувство постоянства, несмотря на заверение всевозможных властей, каждая такая встреча может стать последней.

Жизнь идет своим чередом. И видишь вдруг, как танцуют нити от серебряной гостиницы в доме Любови Андреевны Равенской, от беззастенчивых цветов вшневое дерево, от полутонкой грифельной, от официн со словом обиваефиса твигу, туда, в маленькую заселенному городку с торговыми рядами, колокольнями, арками на крестах. К тому, что зовется провинцией. К тому, что зовется Россией.

Н. ПАБАУСКАЯ,
С. БЕДНОВ.

● Кручинина — С. Погребняк.
Фото А. Нозина.